

КУЛЬТУРА

Независимая газета. — 1992. — 18 нояб. — с. 7.

Алексей Парин

Портрет

КАЗАТЬ о Петре Мамонове «рок-звезде» — значит обокрасть его творческий имидж. Но и не подкинуть эту грань его творчества как главную — значит сойти. Мамонов, автор исполняемых им самим песен, переводчик скандинавской поэзии, актер театра и кино, в полную меру пользуется правом «звезды» — лезть свою личность в глаза у публики — и скрывать ее в долей тишине, навязывать художественные представления отстраненно — и затушевывать лидирующую роль по крайней мере словесно, парить в облаках — и твердо стоять на земле.

Мы знакомы больше десяти лет, и нынешняя беседа — лишь продолжение постоянно длящегося разговора. Впервые вводили интервьюера и интервьюемого, впервые осуществлялся магнитофонная запись — великолепной аппаратуре студии, которую Мамонов построил сам.

Было дело, мы беседовали лестницей, за столиком лифта. А сегодня — это роскошная студия. Вы довольны своим нынешним положением и творческим состоянием?

— И да, и нет. Доволен, наверное, тем, что есть возможности не думать о материалах, средствах и осуществлять то, хочется. Все недовольства вложены в себя, они подлиннее: куда и как двигаться, что стоит реализовать. Можно думать, как развивается искусство сегодня.

И как бы вы ответили на вопрос самому себе?

— Основное ощущение: искусство и мир в целом больше делаются на отдельные страны. Они делаются для меня на отдельные личности, фамилии артистов.

А что вбирают в себя там имена?

— Каждая личность — «грейт», ведь артисты сейчас пытаются мешать жанры.

И все же очертим круг?

— Я говорю о том, что знаю: музыка, кино, различные новые течения — компьютерное увлечение виртуальной ре-

альностью. Важнее всего лозунг: искусство — в быт. Занятия искусством становятся обыденностью, такой же необходимостью, как желание как следует выспаться.

— «Снятие» роли художника-творца, склонность к анонимности — это возврат к средневековой религиозности на новом витке?

— Нет, об осознанном убийстве собственной личности, как было тогда, речь идти не может. Анонимность объясняется для меня более утилитарно: необходимость убрать ненужные помехи для творчества. Суперизвестность, большие деньги. Я сознательно ограничиваю свой материальный уровень. Просто чтобы больше успеть и как можно четче выразить себя и этот мир, пропущенный именно через мой организм.

— В наше время крупная личность стесняется навязывать себя, старается выглядеть незаметнее.

— Отсутствуют не только глобальные личности, но и глобальные идеи. В 60-е годы были супергруппы, был Энди Уорхол. Сейчас все раздробилось, все стало вроде бы мельче — но, на мой взгляд, органичнее. Когда я говорю: искусство — в быт, я имею в виду вот что. Мы садимся обедать, кто-то моет лук, кто-то ставит тарелки, но участвует в этом весь мир, тут не отдельные факты искусства, а возникающая аура, которая потом позволяет всем свободно ориентироваться в проявлениях жизни. Именно всем, обществу в целом, среднему классу в частности.

— Не звучит ли здесь опять уверенность художника в том, что он, единственный и неповторимый, нужен каждому человеку? А как быть с теми прагматическими мыслящими людьми, которые нас окружают на 95%? И ведь люди в зале, которые вам кричат: «Петя, отец родной!», они вас понимают в изюм ключе.

— А это неважно. Я вздымаю волну — и все. И начинается работа. Я пытаюсь разгрести тот прагматизм, о котором вы говорите. Первый этап — это или шок, или очень яркий гипертрофированный образ.

— Это вы о художественном методе, а не об искусстве — в быт. Тут все ясно.

— Когда мне пришлось жить в Англии или в Америке среди вполне обычных людей, я увидел, сколь велик процент тех,

«Я ВЗДЫМАЮ ВОЛНУ — И ВСЁ»

Беседа с рок-звездой Петром Мамоновым

кто занимается искусством и просто живет с ним, не расставаясь. Дома стоит небольшой компьютер, есть видеозапись, можно придумать изображение на один день и любоваться своей картинкой.

— Значит, искусство облагораживает? Или какое слово вы тут употребили?

— Не знаю, просто интуитивно чувствую, что жить в тесном соприкосновении с искусством так же верно, как верно — мыться каждый день.

— А как должна жить продавщица, которая стоит за прилавком восемь часов в день?

— Есть разные продавщицы. Если у нее все аккуратно, все удобно расставлено, значит, она живет, как надо. Древние японцы все расставляли в доме определенным образом. Через глаз все в душу идет.

— Вы говорите про реальность Англии. А, как известно, английский газон стригут триста лет. Или про Японию. А я спрашиваю про Москву, в которой мы с вами живем.

— Нет Англии, нет Москвы. Есть нормальная человеческая жизнь — та, для которой каждый из нас предназначен. И есть уродливая жизнь — где угодно, в Замбии или в Барнауле. Для современного мира проблемы социалистической Эфиопии — это уродливо. Проблемы давно должны выйти на иной уровень. Надо прийти к вечным проблемам, но не через рубища, а через отвержение того, что мешает жить верно.

— Что же, нельзя нормально мыслить, если вокруг все уродливо?

— На отдельно взятом уровне можно. На уровне отдельных личностей. Вот мы же с вами не расталкиваем людей. Каждая мелочь работает. Мир должен состоять из единиц. И хватит уже общих идей.

— Знаете, мысль о том, что

Петр Мамонов.

Фото Н. Ежеского

мир един, высказывают теперь многие — и в Зальцбурге, и в Нью-Йорке. Но мне почему-то кажется, что в Москве нам с вами произносить эту мысль рискованно.

— «Нас с вами» много. Должно быть еще больше, и тогда все будет нормально.

— Это хорошо говорить, сидя

в роскошной студии.

— Но она на меня не с неба упала. Я тут все сделал сам. И каждый может это сделать.

— Но у кого-то не столько сил, как у вас. И пестовать свое искусство здесь, в Москве, многим художникам трудно, не говоря уже о том, чтобы внедрять искусство в быт.

— Естественно, здесь тяжелее, но здесь — дом. Я вот сейчас взял десять гектаров земли в лесу, буду и там что-то делать. Возникнет нормальное пятнышко, а потом еще одно.

— Разве это единственный способ жить? У кого где получается, пусть там и строит. А если человек не теряет собственного достоинства, уезжая «туда», может, он и другим тем самым помогает?

— Я этого не могу понять. После месяца за границей начинаю скучать. Есть, конечно, граждане мира, они в другом положении. Потому что неважно, как, — важно приближаться всю жизнь к тому, ради чего живешь, какой ты на самом деле.

— Тем самым другие люди оказываются в выигрыше.

— Да, ведь многим несчастным попросту неоткуда взять пример. Когда на моем спектакле группа молодых панков не стала распивать принесенную бутылку, разве это не радость?

— Разумеется. Здесь мы переходим от отдельно взятой личности к общей гармонии.

— Есть какие-то бредовые научные исследования, что любое неправильно построенное здание отражается во Вселенной, как камень, брошенный в воду. Тут же доходит до Бога. Неверно сказанное слово, неточный жест нарушают общее гармоническое существование.

— Но перейдем к более конкретным вещам. У вас за последнее время появились две новые профессии — киноактер в фильме «Такси-блюз» и актер театральный в спектакле «Лысый брюнет». Что это вам дало как артисту?

— Это не новые профессии, это попытка реализоваться в разных формах. Осознанное движение в рамках одной линии. Попытка заглянуть в разные уголки самого себя. Может быть, меня Бог создал плотником, а я

занимаюсь своим делом случайно? Хочу перепробовать все, что имеет прямое отношение к творчеству. Я, когда пил, тоже хотел заглянуть туда, за черту видимости: что там, дальше? Вот и сейчас одноразовые, но глубоководные погружения.

— Вы довольны результатом в «Такси-блюз»?

— Есть претензии и к себе, и к фильму, но самое главное состоит в том, что нам всем на три месяца удалось очень честно, очень искренне погрузиться в эту материю.

— А вам как личности-автору не мешает исполнительская функция?

— Для меня нет деления на авторство и исполнительство. У меня нет ощущения, что я выполняю чью-то волю. Что хочу, то и делаю.

— Но вы же признаете чужой текст. А песню могли бы писать на чужой текст?

— Нет, конечно. Для меня эти слова чужие — только какие-то мелкие зацепочки, досточки, по которым идешь своей дорожкой. За нейтральнейшим текстом, за нейтральной, скажем прямо, фабулой я выдвигаю на первый план себя. И, наверное, я тут совсем не актер. В спектакле это особенно видно. Бряд ли мы играем ту пьесу, которую написал ее автор. Спектакль, сложившийся из многих «я», участвовавших в процессе создания на равных. В Германии мы были не в состоянии ответить на вопрос, кто автор этого дела.

— И все же мне лично кажется, что вы являетесь неоспоримым духовным и мозговым центром в обоих случаях. Вы заставляете профессионалов собираться с силами, выдавать максимум за счет того, что приходите со своей энергией, генерируемой спонтанно и мощно.

— Вы говорите о том же, о чем и я. Просто, на мой взгляд, главного «творца» в обоих случаях нет. Я бы мог поставить такое же шоу, как в «Лысый брюнет», но Олег Бабицкий сделал это намного лучше. В шоу-бизнесе существует понятие «франтмен» — в силу индивидуальности он всегда на первом плане, на сцене или во время интервью, но результат — общий.

— Вы, вероятно, для пользы дела задвигаете себя на задний план.

— Вообще говоря, я сейчас живу не ради творчества, какого-то горения, а ради того, что-

бы попытаться жить гармонично, без фальши, без рисовки, таким, как я создан. Искусство, конечно, очень помогает...

— А стихи сейчас пишете?

— Давно не пишу. И стихов совсем не читаю. Классиков, конечно, перечитываю, а современные вещи — ничего путного не попадает, сам не ищущий. В театр не хожу, кино и музыка — вот главное. Нет, важнее всего атмосфера, аура. За границей я, например, в музеи не хожу. Целый день, с утра до вечера, брожу по городу. Лондон весь исходил за два месяца. Это то сырье, откуда я беру конкретные эмоции.

— А как вы ощущаете собственный процесс развития?

— Как четкие этапы. Сейчас этап нечетения, уединенной студийной работы. Попытка сделать модные, стильные вещи.

— В ближайшее время покажете новую программу?

— Да, в Театре имени Станиславского буду выступать регулярно в шоу «Мамонов и Алексей». Новый подход — два раза в месяц в течение полугодия. Интересно, как будет меняться сценический облик за это время, как он будет зависеть от изменений в жизни.

— А предложения ролей в кино или театре есть?

— Есть, но только ведь никому не объяснишь, зачем мне кино и театр. Я нигде не приходил и нигде не уходил, я стараюсь быть самим собой.

— А шаманское начало чувствуете в себе?

— Оно есть, но в очень ограниченной степени, я никогда не выпадаю в транс, никакого экстаза или сонамбулизма, всегда жесткий контроль.

— Может быть, именно поэтому, когда я вас в первый раз увидел на сцене в концерте ансамбля «Звуки му», первая ассоциация была: французский шансонье Морис Шевалье. Строгие формы необычайная, идеальное чувство стиля. А с другой стороны, шаманство. Но в жизни такой не только на сцене, но и в жизни.

— Да, люблю похвастаться, модную идею подбросить.

— И поведать немного, и по душам поговорить. И об анимации подумает, и индивидуальность выставить. И кажется, сегодня нам удалось поработать на этих контрастах.

— Самое главное: удалось поговорить о серьезных вещах.